

Нет автора

Русское слово

1861. 1

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1861. 1 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 642 с.

ISBN 978-5-458-02981-0

ISBN 978-5-458-02981-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Куплено. Октябрь 1913. Р. 12 от (1861, 63)

ВЪ * * *.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? — Не знаю.
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злою,
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангель мой!

А. ПУШКИНЪ.

Отд. I.

1

Мельникъ.

(Посвящается А. Н. Островскому.)

Мельникъ съ-похмѣлья въ телѣгѣ заснулъ;
Мельника будить сынишка:
«Батъка! куда ты съ дороги свернулъ?»
— Полно ты, полно, трусишка!

Глуше, все глуше стачовится лѣсъ...
Что тамъ? Не мѣсяцъ ли всходитъ?
Али съ зажженной лучиною бѣсъ
Между деревьями бродить?
Ѣдетъ старикъ, инда сучья трещать...
«Батъка! куда ты? Ворочай назадъ!»

— Что ты боишься! чего ты кричишь!
Этто костры зажигаютъ —
Черезъ огни дѣвки прыгаютъ, — слышь —
Наши робята гуляютъ.

Смотритъ ребенокъ, и видитъ — огни,
Искры летять, тѣни пляшутъ;
Вѣдьма за вѣдьмой сквозь дымъ, черезъ пни
Скачутъ, хохочутъ и машутъ...
Лѣшаго морда въ телѣгу глядитъ:
«Батъка! миѣ страшно!» ребенокъ кричитъ.

— Что тутъ за страсти? откуда ты взялъ?
Билъ я тебя — билъ, да мало!
Что за бѣда, что народъ загулялъ
Въ ночь подъ Ивана-купала.

Пышуть огни — вотъ изъ лѣсу идетъ
 Мельника старшая дочка;
 Косы свои распустила, поетъ:
 «Эхма ты, ноченька, ночка!»
 Парень ее сзади ловить рукой...
 Крикнулъ ей мельникъ: «Куда ты? постой!»

— Батюшка, батюшка! молвила дочь:
 Дай ужъ ты мнѣ нагуляться,—
 Такъ нагуляться, чтобъ было не въ мочь
 Завтра съ постели подняться.

Пышуть огни — вотъ, качаясь, идетъ
 Мельника младшая дочка.
 Вся разгорѣвшись идетъ она — льнетъ
 Къ бѣлому тѣлу сорочка.
 «Эхъ!» говоритъ: «загуляю, запью
 Злую неволю-кручину свою!...»

«Дамъ я вамъ знать, какъ безъ спроса гулять!»
 Мельникъ ворчить: «эко дѣло!...»
 Медленно сталъ онъ съ телеги слѣзать —
 Съ лысины шапка слетѣла.

Слѣзъ онъ и видитъ — въ шубѣнкѣ стоитъ
 Кумъ его — точно Ерѣйка.
 Зубы оскаливши, «кумъ!» говоритъ,
 «Полно сердчать-то! Пойдемъ-ка,
 Выпьемъ-ка съ горя... Чего замигалъ?
 Али ты, милый, меня не узналъ?»

— Какъ не узнать! глухо молвилъ старикъ.
 «Ну, и пойдешь... обоприся...»
 — Батюшка! раздался ребяческій крикъ:
 Это не кумъ — воротися!

Мельникъ не слышитъ — и съ кумомъ своимъ
 Сталъ за кострами теряться.
 Хотеть, какъ буря, пронесся за нимъ;
 Начали тѣни сгущаться;
 И красноватыми пятнами сталъ
 Дымъ пропадать, пропадать — и пропагъ.

Только туманъ изъ-за низменныхъ пней
 Смутно бѣлѣлъ, да во мракѣ
 Дождикъ дробилъ по листьямъ, да ручей
 Глухо ворчалъ въ буеракѣ.

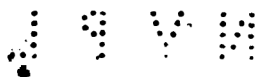
Изрѣдка воздухъ ночной доносилъ
 Шорохъ проснувшихся галокъ...
 «Батка!» въ лѣсу раздавалось, и былъ
 Голосъ тотъ робокъ и жалокъ...
 Къ утру ребята съ рогатиной шли
 Въ лѣсъ по медвѣдя — телѣгу нашли...

Мельника трупъ былъ отысканъ во рву,
 Въ лужѣ съ болотною тинной.
 Мальчикъ дрожалъ, и весь день наяву
 Бредилъ одной чертовщиной.

Слухи пошли по деревнѣ, какъ бѣсъ
 Душу сгубилъ. Толковали:
 Чортъ ли понесъ къ ночи пьянаго въ лѣсъ!
 Пьянъ, такъ отъ лѣсу подагѣ.
 Но и донинѣ душа старика
 Стонеть въ лѣсу позади кабака...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

1859.

На пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуетъ.
На камнѣ мужикъ одиноко горюетъ;
У ногъ его кучами пепель лежитъ,
Надъ пепломъ труба безобразно торчитъ.

Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ дырявой
Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой,
Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
И солнце открытую голову жжетъ.

Не годъ и не два онъ терялъ свою силу:
На пашнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу,
Онъ клалъ ее дома съ цѣпомъ на гумнѣ,
Безропотно клалъ не чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ доли;
Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
И трескалась кожа... да что за бѣда!
Ужъ видно не жить мужику безъ труда!

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, — и въ поле другая ходила;
Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
И только выдерживалъ пахарь-мужикъ.

Просилъ безотвѣтный не счастья у неба,
Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба...
Подкралась бѣда, — все метлой подмела,
У пахаря вѣтъ ни двора, ни кола,

Крѣпись, горемычный! не гнись отъ удара!
Все вынесло сердце: и ужасъ пожара,
И матери старой пронзительный стонъ,
Въ то время, какъ въ поляхъ кинулся онъ.

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели.
За нимъ по слѣдамъ потолоки загремѣли...
«Пускай догораютъ»!... И нищій мужикъ
Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

И. НИКИТИНЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Есть у насъ народная поговорка, что «грѣхомъ нажитое богатство въ прокъ пойдетъ». Но Боже мой! какъ часто видишь противоположныя явленія этой поговоркѣ, — какъ часто трудомъ нажитое богатство исчезаетъ, какъ дымъ, — не отъ расточительности, — а отъ какихъ-то непредвидѣнныхъ и ничѣмъ неотразимыхъ случаевъ, отъ стеченія и запутанности обстоятельствъ, которыхъ ни какая воля, ни какой умъ человѣческой не въ силахъ распутать, или обратить въ свою пользу, и капиталы ускользаютъ изъ рукъ, при всей благоразумной экономіи, по волѣ какой-то враждебной судьбы, дѣлаясь добычей честныхъ воровъ, или какъ говорятъ: «умныхъ людей». У насъ еще у многихъ въ понятіяхъ, — умный человѣкъ и плутъ, — сливаются въ одно; обмануть, надуть, ни болѣе ни менѣе, какъ только стать *ме промагомъ*, быть себѣ на умѣ, — и только... И сколько народныхъ пословицъ оправдываютъ это мнѣніе; — на примѣръ: «кто самъ себѣ врагъ», «Своя рубашка къ тѣлу ближе.» «На то щука въ морѣ,» и проч... Конечно надо имѣть ловкость, чтобъ продѣлка не слишкомъ бросалась въ глаза, чтобъ не навлечь на себя преслѣдованія и концы схоронить въ воду, а на общественное мнѣніе не стоить обращать вниманія. Да и что

Отд. I.

1

такое общественное мнѣніе? Не изъ тѣхъ-ли же грѣшныхъ людей наши судьи?.. У насъ и на то сложились оправдательныя пословицы: кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ».

И сколько, сколько этихъ *умныхъ людей* можно встрѣтить въ необразованныхъ обществахъ, по захоlustьямъ нашего раздольнаго отечества!..

И вотъ, послѣ этихъ-то умниковъ, спокойно нажигые ими капиталы, переходятъ къ ихъ потомкамъ и растутъ въ прибывающей прогрессіи, наперекоръ пословицѣ: *«грѣхомъ нажитое богатство въ прокъ неидетъ»*; благосостояніе потомковъ процвѣтаетъ; дѣти рождаются здоровыми, сыновья дѣлаются степенными, скопидомами, пользуются довѣріемъ общества, становятся въ первыхъ рядахъ его; дочери находятъ хорошія партіи; — словомъ, счастье во всемъ и вездѣ, деньги сами льются въ карманъ, и *«грѣхомъ нажитое богатство идетъ въ прокъ...»*

Между тѣмъ, какъ дѣти честныхъ труженниковъ, протягиваютъ руку за милостыней; да и часто не заслуженно лишаются даже честнаго имени — послѣдняго богатства бѣдняка...

Не разъ, не два этотъ грустный фактъ заставлялъ меня задумываться...

И страшно мнѣ стало, когда я припомнила всѣ подробности подобной *исторіи*, которую хочу вамъ передать, какъ фактъ.

Не то чтобъ давно, и не то чтобъ недавно, жили да были въ городѣ Привольскѣ два двоюродные братца... одинъ былъ Петръ Васильчъ, а другой Петръ Иванычъ и прозывались оба Отрубевы. Петръ Васильчъ былъ купецъ богатый... Петръ Иванычъ... но передо мною развивается драма...

Въ одно весеннее время, послѣ-обѣда, супруга Петра Васильча Отрубева, Наталья Ивановна, сидѣла въ своей спальнѣ. Сидѣла она, облокотившись на столъ, и думала какую-то тяжелую думу. Глаза ея машинально переходили съ рабочаго ящика съ разноцвѣтными шелками на бархатную подушечку стальной швейки, на которой игралъ яркій лучъ солнца, прорывавшійся въ окно, сквозь густую зелень цвѣ-

тущихъ жасминовъ. Круглый подбородокъ купчихи лежалъ на ладони правой руки, на пальцахъ которой блестѣло множество золотыхъ колецъ и разныхъ перстеньковъ. Короткіе, слегка закрученные височки отгѣняли полныя щеки Наталья Ивановны; зеленая французская косынка, ловко повязанная, очень шла къ ея темнорусымъ волосамъ; на открытой шеѣ переливалась мелкою гранью нитка крупныхъ янтарей; въ ушахъ висѣли большіе яхонты. Кисейный платокъ, обшитый широкимъ кружевомъ, свалился съ плечъ, и оставилъ не закрытыми я грудь, и полную короткую талию, обтянутую тафтянымъ платьемъ.

Воздухъ комнаты былъ пропитанъ запахомъ жасмина. Передній уголъ былъ занятъ большимъ кіотомъ, передъ которымъ неугасимо теплилась серебряная лампадка. Огромная кровать, съ горою подушекъ, подъ шатромъ бѣлаго полога, казалась не меньше другой походной палатки. Большой красного дерева комодъ, туалетъ, украшенный позолоченой рѣзьбой, и нѣсколько стульевъ, съ высокими дубовыми спинками, обитыхъ краснымъ сафьяномъ, довершали убранство комнаты. Изъ спальни выходили трое дверей: одна въ маленькую прихожую, другая въ залу, третья небольшая дверь, въ ногахъ кровати, вела въ дѣтскую.

— Господи Боже мой! Чтожъ я это въ самомъ дѣлѣ, дурь-то на себя накидываю!.. прошептала Наталья Ивановна, какъ будто пробудясь отъ сна, подняла быстро голову и махнула рукой, какъ будто отгоняя отъ себя неприятный призракъ.

— Что я бранена? аль бита? аль недостатокъ какой терплю что-ли? Кабы увидѣлъ Петръ Васильичъ, такъ задалъ-бы мнѣ... грущу, тоскую, сама не знаю о чемъ..

Она встала, подошла къ окну, понюхала вѣтку жасмина, и сѣла опять на прежнее мѣсто, твердо рѣшившись приняться за работу;—но лишь только оторвала она съ клубка цвѣтную шелковинку, рука ея опустилась, голова склонилась на грудь сама собой:—что-то прихлынуло къ сердцу и глаза наполнились слезами.

Не видя причины о чемъ бы подплакать, Отрубевъ крѣпилась нѣсколько минутъ; но грустное чувство, съ которымъ

она боролась уже нѣсколько дней, взяло наконецъ свое: слезы брызнули градомъ; она дала имъ полную волю. Она плакала долго и много, стараясь только заглушить рыданія, чтобъ ктонибудь не подслушалъ.

Наконецъ, наплакавшись вдоволь, Отрубева почувствовала, что на сердцѣ у ней сдѣлалось легче, какъ всегда бываетъ послѣ обильныхъ слезъ; она отерла глаза, встала, подошла къ зеркалу, поправила разбившіеся височки, помахала платкомъ въ горящее отъ слезъ лицо, и произвела грустно, покачивъ головой:

— А чтонибудь да значить, что сердце такъ тоскуетъ! можетъ и въщуетъ оно какую-нибудь бѣду — да не скажетъ...

Въ эту минуту на дворѣ послышался жалобный вой цѣпной собаки. Этотъ зловѣщій звукъ, словно острымъ желѣзомъ, скользнулъ по сердцу Натальи Ивановны.

— Это что еще! часъ отъ часу не легче! — почти вскричала она въ испугѣ и съ замирающимъ сердцемъ произнесла:

— Господи помилуй раба своего Петра и дѣтей нашихъ!..

Но собака не переставала выть.

Наталья Ивановна подошла къ окну. На мощеномъ дворѣ не видно было ни души, одинъ черный козель, съ рогами, окрашенными красной краской, выщипывалъ едва пробивающуюся между камнями мостовой зеленую травку, и огромная цѣпная собака, привязанная возлѣ конюшни, лежала въ растяжку на припекѣ, и высунувъ пересохшій отъ жажды языкъ, жалобно выла.

— Чтобъ твое вытье было на твою голову! — проговорила купчиха, взглянувъ на собаку, и стараясь успокоить внутреннее волненіе, кликнула:

— Эй! Любашка! нянька!

Дверцы изъ дѣтской скригнули, на порогѣ показалась худощавая, съ длиннымъ носомъ старушка, въ ситцевомъ сарафанѣ — и послышался дребезжащій голосъ:

— Чего изволишь, сударыня?

— Али ты, нянька! гдѣ-жъ Оединька! спросила Наталья